

# СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА

## МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА «АКТИВНОСТЬ» В ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СЕМАНТИКЕ (на примере синтаксических конструкций русского, английского и итальянского языков)

А.Б. Чернышёв

Закрытое акционерное общество «ВолгАэро»  
*пр. Ленина, 163, Рыбинск, Ярославская обл., Россия, 152903*

Предложно-падежная семантика рассматривается в когнитивном аспекте. Фрагмент «активность», актуализируемый в разноструктурных языках предложениями и падежами, позволяет выявить особенности и универсальные свойства человеческого восприятия с учетом специфики национальной языковой картины мира.

**Ключевые слова:** картина мира, предлог, падеж, фрагмент, активность, моделирование.

Языковая картина мира — это запечатленное в языковых единицах соответствующего языка национально-специфическое видение всего сущего. Естественно, что неповторимость каждой из национальных языковых картин мира, отражающих результат работы этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия человека во Вселенной, может быть очевидной лишь на фоне других таких же национальных языковых картин мира с опорой на языковые универсалии. Как отмечают исследователи, специфика национального мировидения может отражаться не только в фактах языка, находящихся в рамках лексической семантики, но также в синтаксисе и морфологии [3. С. 103, 106]. Целью данной статьи является анализ особенностей функционирования и употребления синтаксических предложно-падежных конструкций с общим значением движения в русском, английском и итальянском языках.

Как известно, участие предложно-падежных форм в развитии языка объясняется способностью предлогов к контаминации, которая свидетельствует о совершенных, развитых системных отношениях. Явление контаминации в предлогах выявлено на основе семантических трансформаций, при которых происходит переход от означающего одной семантической структуры к означающему другой семантической структуры. На основании этого составляется парадигма номинаций одного и того же отношения [4. С. 8].

Как отмечает Ч. Филлмор, один из подходов к изучению падежных систем состоит в том, чтобы ограничиться морфологическим описанием существительных, не накладывая никаких ограничений на то, каким образом для падежных морфем устанавливаются их значения или функции [8. С. 382]. В свете данного подхода представлена, в частности, теория падежей П.В. Дурст-Андерсена [1]. Падеж в ней рассматривается в общей системе грамматических категорий существительного и глагола и определяется как семантико-реляционная категория существительного, совмещающая в себе другие категории, а именно категории рода и числа. Для косвенных падежей (родительного, дательного) существенным оказывается понятие перспективы (дихотомии «близкое — далекое», «экстравертность — интравертность»), в которой различают разные источники определения информации [1. С. 136—140].

Согласно данной теории, родительный и дательный падежи имеют идентичный концепт: *направление, исключающее контакт* с объектом. Различие же проявляется в том, что родительный падеж имеет внешнее направление, и, следовательно, перспектива родительного падежа экстравертна и связана с представлением о движении от близкого объекта к дальнему.

Дательный падеж является конверсивным по отношению к родительному падежу, т.е. его диаметральной противоположностью, в результате чего дательный падеж обладает не экстравертной, а интравертной перспективой, предполагающей переход от дальнего к близкому. Таким образом, объект может выступать в качестве ориентира, относительного которого задается направление движения.

Помимо падежей, отношения между объектами могут выражаться и самими предлогами.

По мнению Е.С. Кубряковой, значения предлогов именуют координацию вещей и событий, показывают их место во времени и в пространстве, соотносят выделенные ориентиры с их обобщенными представлениями в голове человека и т.п. В ходе данной номинативной деятельности создается языковая картина мира — особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого [5. С. 64]. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что предлог, как и знаменательное слово, имеет определенную семантическую структуру и включает в себя потенциальное множество лексико-семантических вариантов и параметров, которые зачастую являются результатом моделирования определенного фрагмента языковой картины мира. К одному из таких фрагментов может быть отнесен фрагмент «активность».

Активность в теоретическом аспекте рассматривалась в лингвистике в более широком понимании, а точнее, в рамках категории. В частности, как отмечает А.Е. Маньков, активность изначально проявляется при определении рода существительных в процессе восприятия предметов как активных (или «инактивных»), что обусловлено их степенью способности оказывать какое-либо воздействие на другой предмет [7. С. 81]. Как считает А.Ф. Лосев, «любое активное действие, производимое предметом, кажется целенаправленным, а сам предмет представляется разумным и одушевленным и этими качествами подобным человеку» (цит. по: [7. С. 81]).

Структуру активного начала, по мнению Е.М. Поздняковой, образует понятие действующего источника энергии, являющегося причиной, порождением чего-либо от исходной точки в пространстве и от первого момента, от первой стадии какого-либо действия во времени. Этот источник является основой, сущностью порождаемого, вызываемого события или ситуации, он деятельный, т.е. не пассивный, а также развивающийся, то есть не статичный [6. С. 255]. Подобный источник может реально не являться одушевленным, но восприниматься таковым в силу непосредственного выражения его собственной смысловой сущности. Таким образом, предметам могут приписываться свойства и качества, объективно им не принадлежащие.

Принципиально важную значимость при выявлении активности приобретает дихотомия «контакт — неконтакт». Понятие контакта, по убеждению Д. Пайара, связано с прилеганием локализуемого объекта к границе релятума и подтверждается свойствами как объекта, так и релятума и, при необходимости, семантикой глагола [2. С. 170]. При этом свойства локализуемого объекта и релятума оказываются значимыми для определения границы.

Представляется, что признак контактности/неконтактности определяется восприятием, прежде всего, топологических особенностей конечного пункта. Контакт подразумевает такое достижение  $Y$ -а, в результате чего  $X$  полностью оказывается вовлеченным в его сферу, т.е. находится внутри пространства  $Y$ -а, либо реального, физического, либо психологического. Соответствующим образом неконтакт, как противоположный случай, имплицитно идею движения по направлению к конечному пункту, не достигая его, оставаясь где-то рядом.

Поскольку векторное движение как направление обязательно связано с пониманием перспективы рассмотрения совершающегося действия, то возможно, на наш взгляд, выделение диалектической категории «контакта — неконтакта». Таким образом, возникает идея целого, так и целостное рассмотрение контакта и неконтакта приводит к восприятию единства предметов. Кажущееся единство предметов является следствием невозможности восприятия достижения (контакта) или недостижения (неконтакта) конечного пункта по заданной траектории.

Различие активности и целенаправленности как конституирующих признаков заключается в перспективе восприятия движения. Если целенаправленность рассматривает субъект как самостоятельно перемещающийся, то активность имплицитно восприятие конечного объекта как притягивающий к себе источник. Перспектива восприятия движения становится обратной. С другой стороны, и активность, и целенаправленность рассматривают субъект и конечный объект в качестве взаимосвязанных, взаимозависимых.

Таким образом, активность может быть соотнесена с целенаправленностью, при которой любое действие понимается как направленное на достижение какой-либо цели, т.е. действие или движение с интравертной перспективой. Подобная интерпретация активности, в зависимости от типа языковой структуры, ассоциируется с дативом не просто как с падежом, но как с активной зоной области цели, что подтверждается анализом семантически эквивалентных предложно-падежных конструкций русского, английского и итальянского языков, представленным в табл.

**Анализ семантически эквивалентных предложно-падежных конструкций  
русского, английского и итальянского языков**

	<b>Русский язык</b>	<b>Английский язык</b>	<b>Итальянский язык</b>
<b>Предложно-падежные конструкции</b>	1а) Шапка идет Пете	(1б) The hat suits Peter	(1с) Il cappello va <b>a</b> Pietro
	(2а) Я иду <b>к</b> Пете	(2б) I am going <b>to</b> Peter	(2с) Vado <b>da</b> Pietro
	(3а) Я иду <b>к</b> школе	(3б) I am going <b>towards</b> the school	(3с) Vado <b>verso</b> la scuola
	(4а) Я иду <b>в</b> школу	(4б) I am going <b>to</b> school	(4с) Vado <b>alla (in)</b> scuola
	(5а) Я иду <b>от</b> Пети	(5б) I am going <b>from</b> Peter	(5с) Vado <b>da</b> casa di Pietro
	(6а) Я иду <b>от</b> школы	(6б) I am going <b>from</b> school	(6с) Vado <b>dalla</b> scuola
	(7а) Я иду <b>из</b> школы	(7б) I am going <b>out of</b> school	(7с) Vado <b>dalla</b> scuola

В рассматриваемых языках, исходя из примеров представленной сводной таблицы, фрагмент «активность» актуализируется в следующих предлогах: *к* в русском языке, *to* в английском и *da* в итальянском. «Активность» этих предлогов обусловлена тем, что при многочисленных и иногда противоположных значениях, которые они имеют в современном употреблении, данные предлоги, тем не менее, сохраняют изначально свойственное им общее значение: *направление к одушевленному объекту* (ср. предложения (2а), (2б) и (2с)).

Каким образом моделируется «активность» как фрагмент картины мира в русском, английском и итальянском языках в свете полисемии вышеуказанных предлогов?

Употребление *к* характерно в конструкциях с дативом (2а) и (3а). Дихотомия «одушевленность — неодушевленность» носит ярко выраженный семантический характер. Употребление *к* перед неодушевленным существительным в (3а), выражающим направление к объекту, а не внутрь его (ср. 4а), представляется метафоричным, поскольку понимание «школы» как активного объекта связано с его топологическими характеристиками — формой и объемом и, следовательно, отсутствием контакта с ним. Предлог *к* при «активном» объекте (пациенте) подчеркивает независимость субъекта (агенса) в отличие от (1а), где вместо датива используется бенефактив.

Активность в русском языке исключает экстравертную перспективу (ср. 5а, 6а, 7а). В русской языковой картине мира активность, принимая во внимание характер движения, свойственна не только пациенту, но и агенту. Следовательно, активным оказывается, в том числе, предмет, который совершает действие.

Употребление предлога *to* в английском языке характерно для конструкций (2б) и (4б). При отсутствии конкретных падежных индикаторов предлог *to* выполняет функцию датива. Его употребление характерно как перед одушевленными, так и перед неодушевленными существительными. При формальном отсутствии деления на мужской, женский и средний род все предметы в английской языковой картине мира воспринимаются как одушевленные. Для восприятия активности в английском языке, наоборот, очень важно понимание контакта, но, скорее,

не как физического, а как психологического. Этим объясняется тот факт, что в (4б) «школа» воспринимается не как здание, но как место активных действий, событий, в частности место учебы. Для выражения направления в сторону объекта при отсутствии контакта с ним употребляется предлог *towards* (3б). Как и в русском языке, фрагмент «активность» в английском исключает экстравертную перспективу (ср. 5б, 6б, 7б).

Что касается итальянского языка, то в нем активность репрезентируется посредством предлога *da*. Предлог *da* употребляется в (2с, 5с, 6с, 7с), из чего следует, что для фрагмента «активность» в итальянском языке характерны как интравертная, так и экстравертная перспективы, т.е. движение к объекту и от объекта. При этом движение от семантически одушевленного предмета не может быть передано в итальянском языке в качестве семантически самостоятельной предложно-именной конструкции. Предложение (5с) по своей структуре совпадает с (6с), где используется предлог *da* с неодушевленным предметом в родительном падеже, т.е. движение от Петра воспринимается, подобно движению от «школы», движением «из дома, где живет Петр».

Таким образом, в итальянском языке при анализе предикативных конструкций с предлогами движения выявляются следующие особенности. Во-первых, не представлена идея движения от одушевленного объекта. Во-вторых, предлог *da* употребляется с семантически одушевленными существительными («Петр»), к которым совершается движение, а также с семантически неодушевленными существительными («школа»), от которых совершается движение.

Данное явление, очевидно, объясняется тем фактом, что активность в итальянском языке проявляется в зависимости не от восприятия релятума, но от восприятия отношения действия между актантами — воспринимающим и воспринимаемым. Так, анализируя значения индоевропейских пространственно-временных приставок типа *pro-*, Ю.С. Степанов и Е.С. Яковлева справедливо отмечают, что латинские и греческие слова могут иметь диаметрально противоположные значения. Например, греки архаической поры представляли себе, по-видимому, время текущим «сзади», из-за нашей спины, через нас и как бы над нашей головой, «вперед» — от наших глаз в бесконечность... [10. С. 75].

Подобное восприятие было характерно, вероятно, для многих культур и цивилизаций. Какое отношение данное восприятие может иметь к итальянской культуре и языку?

Как отмечает в своем исследовании Ю.Б. Циркин, в центре всего римского сознания стоял сам Рим. Римляне были абсолютно уверены не только в его вечности, но и в его праве править миром. Все остальное было второстепенно [9. С. 18, 20]. В связи с этим становится возможной интерпретация фрагмента активности итальянской языковой картины мира. Особенность восприятия ориентира (пациенса) в итальянском языке проявляется, очевидно, в том, что он оказывается обращенным к лицу субъекта независимо от направления движения. Следовательно, любое движение воспринимается как целенаправленное.

Активность же актантов, во-первых, проявляется в том, что в (2с) субъект движется к одушевленному объекту («Петр»), в (5с, 6с, 7с) неодушевленный объект воспринимается как совершающий движение от субъекта-наблюдателя. В семантической структуре данных предложений глагол движения соотносится с активным субъектом, предлог *da* — с объектом, воспринимаемым как активный. Невозможность употребления предлога *da* с одушевленным существительным, от которого совершается движение, объясняется, вероятно, тем, что человек не может двигаться спиной назад. В (3с, 4с) субъект также видит неодушевленные объекты перед собой, однако движение воспринимает как исходящее от него самого, в силу чего сам субъект становится активным, «школа» же оказывается инактивной. Таким образом, в итальянской языковой картине мира все события разворачиваются непосредственно перед субъектом, который оказывается их наблюдателем.

Проведенное исследование показывает, что предлоги участвуют в номинации физической действительности, в частности, в номинации сферы пространственных отношений. Тем самым семантика предлогов отражает фрагменты языковой картины мира. Такой универсальный фрагмент, как активность, актуализируется в семантике предлогов движения русского, английского и итальянского языков. Когнитивная структура предлогов *к*, *to* и *da* свидетельствует о тенденции развития модели фрагмента «активность» в типологически сходных, но разноструктурных языках. В языках синтетического типа полное изучение семантики предлога возможно лишь в единстве изучения его с семантикой падежа. Сами же механизмы контаминации способствуют выявлению и исследованию новых универсальных смысловых языковых категорий и фрагментов картины мира.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дурст-Андерсен П.В.* Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт» // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: Языки русской культуры, 2000.
- [2] Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. — М.: Русские словари, 2000.
- [3] *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М.: ЧеРо, 2003.
- [4] *Кравченко Н.П.* Семантико- и текстообразующие функции русских предлогов (на материале языка художественной литературы и СМИ): Автореф. ... докт. фил. наук. — Краснодар, 2001.
- [5] *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [6] *Позднякова Е.М.* Таксономическая категоризация глагола и концепт «активное начало» в категории имени деятеля // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
- [7] *Маньков А.Е.* Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. — 2004. — № 5.
- [8] *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1981. — Вып. 10.
- [9] *Циркин Ю.Б.* Мифы Древнего Рима. — М.: АСТ, 2000.
- [10] *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994.

**MODELLING OF THE FRAGMENT “ACTIVITY”  
IN THE CASE-PREPOSITION SEMANTICS  
(syntactic constructions in the russian,  
english and italian languages)**

**A.B. Chernyshev**

JSC “VolgoAero”

*Lenin Ave., 163, Rybinsk, Yaroslavl’ region, Russia, 152901*

Cast-prepositional semantics is treated in the cognitive aspect. The fragment “activity”/ while being emphasized in structurally different languages by means of prepositions and case forms, allows to reveal both peculiar and universal features of human perception proceeding from specific national worldviews.

**Key words:** worldview, modeling, preposition, case, fragment, activity.